

Игорь Шестков "Согнувшийся человек"

СОГНУВШИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

Во второй части рассказа «НЛО в Берлине» я описал то, удивительное, незабываемое, что наблюдал из окна берлинской городской электрички (эс-бана) лет десять назад. Ничего не придумал. Не преувеличил. Мне разумеется не поверили. Сочли «капризом писателя».

А одна знакомая критикесса настоятельно мне рекомендовала: Умерить пыл своей фантазии... А-то в ваших рассказах так много неправдоподобных событий... В них не веришь... От них устаешь. И герои ваши сексуально озабоченные! Ужас какой-то. Вы должны думать позитивно! У вас все сюжеты кошмарные. Напишите повесть про счастливых пенсионеров, живущих насыщенной духовной жизнью. Вы можете.

Знакомый писатель, известный в прошлом бабник и лолитчик, добавил от себя: И, пожалуйста, не пиши больше о мужеложстве и онанизме!

...

Неприятно быть атакованным доброжелателями... да еще и ниже пояса. Что же думают о моей литературе враги, если друзья советуют мне писать о духовных пенсионерах и не писать о мужеложстве... о котором я кстати никогда и не писал, из-за полного незнакомства с предметом. Только один пронзительный рассказик написал о несчастном голубом юноше. «Голубизна» его там – не главное. Главное – отчуждение ранимого человека от мира и его институтов, об этом и рассказ.

И онанизмом мои герои занимаются... умеренно. И только тогда, когда по другому, с любимым человеком, ничего не получается... так что и тут речь идет не о рукоблудии как таковой, а об отчаянии, одиночестве и все о том же отчуждении – от близких и друзей, от общества и от богов, навсегда покинувших страждущее человечество.

...

Я попытался напомнить критикам, что писательская работа, создание «сюжетов», «сцен», «диалогов» и «литературных героев», таких или сяких, –

сама по себе уже есть дерзкая фантазия... чудовищное преувеличение, делание из мухи слона, блеф, выдумка, ставящая все с ног на голову...

Что какой-то жалкий НЛЮ, летающий непонятно зачем по сивому берлинскому небу, по сравнению с самим наличием «персонажей» и «рассказчика», этих... хм... не существующих, недоделанных людей... людей ли... нет, лишенных бытия недоносков, не существующих, но реальных, иногда до болезненности, – мелочь, малозначительная деталь декора, и только. Также как и их сексуальные прихоти. Пусть себе бесчинствуют гомункулусы нам на забаву! Они ведь не ваши жены, мужья или знакомые, а наши общие подопытные кролики, выкидыши так и не преодоленного человечеством когнитивного диссонанса. Обитающие к тому же в «архетипической глубине», по словам одного из сионских мудрецов.

Они наши лоты в преисподней. Куда вы сами ни за что не захотите спуститься, уверяю вас, дамы и господа.

Сами даты их жизни – не годы, а страницы в оглавлении.

...

Да и вообще, мне ли вам объяснять, что важнее всего в рассказе не сюжет, и не герой и не его либидо... а то, непознаваемое, что так трудно определить или подделать.

Вибрация смысла... и самой жизненной субстанции...

Стиль... точнее – обаяние стиля... как в Декамероне или в романе Стерна.

И метаморфозы, происходящие не только с персонажами и их миром, как у Бруно Шульца, но и с нами и с нашим миром в процессе чтения...

Из-за этого мы не можем оторваться от книги... а вовсе не из-за «фантазий, ужасов и кошмаров» и не из-за латентной педерастии рассказчика.

...

Но критики меня не слушали, продолжали пинать.

И я... изнемог, сник, смалодушничал и... умерил пыл, стреножил фантазию, отрубил топором крылья музе (как же она орала!) и принес соответствующую клятву во всемирном Храме реализма, позитивного мышления и семейных ценностей.

Так мол и так. Перед лицом моих товарищей... торжественно обещаю...

Мне выдали свидетельство. С водяными знаками – стоящий на задних лапах лев пожирает трепетную лань (в канцелярии Храма объяснили, что лев символизирует то-то, а лань...).

Витиеватые подписи членов Совета старейшин Общины реализма, старых маразматиков, так похожи на готическую вязь!

На печатях видны масонские знаки – циркули, линейки и почему-то корона из кукурузных початков...

Решил свой следующий рассказ написать в реалистической манере. Без фантазий и излишеств. Без сюжета! Обойдемся. И без «лирического героя». Плевать на него. Осточертел. Просто напишу о том, что случилось вчера. Только вы мне все равно не поверите.

Так вот... еду я в все том же эс-бане. Во втором вагоне, считая от машиниста. Или в третьем.

Доезжаю до станции Лихтенберг. Никаких эмоций не испытываю. За окном холодный секущий дождь, сыро и гнусно. По улицам олени бегают. Лица немногих пассажиров – заспанные, не привлекательные, крыс напоминают...

Как видите, никаких фантазий или фата-моргана! Все реально, как в морге.

В Лихтенберге в мой вагон вошел только один, вроде бы ничем не примечательный мужчина. Лет пятидесяти семи. Куртка, джинсы, черная вязаная шапочка. Не богач, но и не бездомный. Обычный. Только роста большого. Крупный мужчина.

Двери за его спиной закрываются, а он вместо того, чтобы пройти дальше в вагон и занять место у окна... благо мест полно... делает вот что... медленно как бы кланяется... сгибает туловище, опускает голову ниже и ниже и в конце концов дотрагивается лбом до нечистого пола вагона. Рядом с валяющейся серебряной оберткой от жвачки. И остается так стоять. На ногах и на лбу одновременно. Фигура его напоминает арку или магнит, такой, каким мы в детстве играли. Только большой, темный и живой.

А затем... мужчина этот, все еще стоя в этой дикой позе, очень громко и

отчетливо три раза издает какое-то жуткий звук. Что-то вроде: Хррак.

Голос у него низкий... как бы и не человеческий... как будто он робот, медведь или экзотическая птица.

Потом он так же разогнулся, как и согнулся. Медленно, но легко.

Это он что, стебается так? Циркач? Шиз? Наркоман?

Я всмотрелся в его побагровевшее от прилившей крови лицо. Ничего особенного. Выбрит не чисто. Не без восточной крови. Прыщики на носу и на лбу.

Нет, нет... было в нем кое-что особенное. Было.

Лицо его было похоже на маску. А что под ней – не понятно. Глаза не видящие.

Густые брови – как приклеенные. Рот резиновый. Grimасы неестественные, как в фильме ужасов.

Вот... он опять согнулся, коснулся лбом пола... Даже удар был слышен.

Хррак! Хррак! Хррак...

Опять проорал громко, ясно, резко, агрессивно. Как будто этот его крик или рык должен был предварять что-то важное или страшное. Может, это обратный отсчет?

Я испугался... подумал, этот тип покланяется-поорет, а затем на людей с мачете бросится... раскромсает на куски... здоровяк... случилось такое с полгода назад в поезде под Вюрцбургом... или бомбу на поясе взорвет.

А потом... я заметил то, что меня испугало, пожалуй, еще больше бомбы или мачете. История повторилась... Как тогда в вагоне эс-бана никто никак на НЛО не отреагировал, так и сейчас... Никто вокруг меня никак не отреагировал на поклоны и крики этого жуткого типа. Сидевшие напротив школьники даже глаза в его сторону не скосили, уставились в свои смартфоны как замороженные и ничего вокруг себя не замечали... Старушка, дремлющая всего в трех метрах от него – тоже никак не отреагировала. Только вздыхала и морщила нос, похожий на пуговицу. Семейная пара средних лет с другой стороны шепталась, шепталась... он показывал ей что-то на пестрых рекламных листках... а она согласно кивала.

Берлин, как известно, не подарок... европейская латрина... тут всякие люди встречаются... все это знают... держат себя в руках... стараются без нужды не

привлекать к себе внимание. Но все-таки странно.

А он, тот... все сгибался, мел черными волосами пол и хркал, хркал...

Неужели я один его вижу и слышу?

Мурашки по коже...

На следующей остановке – Нёльднерплатц – мужчина вышел, в вагон вошли студенты и школьники и своим щебетом и воркованьем отвлекли меня от неприятных мыслей о согнувшемся человеке.

...

Забыл сказать. Ехал я тогда в аэропорт Щёнефельд, встречать одного знакомого знакомых, который должен был мне кое-что передать. Кое-что весьма необычное.

Да, да, весьма необычное и ценное.

На остановке Осткройц я вышел, поднялся на эскалаторе на верхний этаж и успел ввинтиться в уже отходящий поезд эс-бана на Цойтен.

Там было тесно и душно. Пахло потом и несвежим дёнером-кебабом.

Передо мной стоял бородатый парень и ел это изобретение немецких турок. В роскошной его бороде застряли куски пищи. Я узнал и чесночный соус. Бее...

Парень ел, не торопясь, беседуя с худенькой девушкой, которая тоже что-то жевала. У девушки не было бороды, но были подслеповатые глаза, некрасивая фигура... лицо ее не скрывало типичные для берлинцев туповатость и серость.

Она явно не была ни студенткой, ни туристкой... работала... и по-видимому не много получала, бедняжка. Собеседник ее, напротив... обладал, несмотря на юные годы, солидным брюшком, одет был почище, посматривал на нее покровительственно и немножко пакостно. В маленьких его глазках роились желтоватые искристые мушки... Наверное, уже оттрахал ее, и не раз. Она ему дает, потому что надеется на брак, а он ее презирает и никогда на ней не женится. Обычное дело.

После того, как он доел дёнер, обсосал со свистом жирные пальцы...

Неожиданно я понял, кого он мне напоминает. Ким Чен Ына, сына балерины, великого наследника, а ныне, председателя, маршала и прочая... главу любимого государства русских патриотов, Северной Кореи.

Берлинский Ким Чен Ын достал из сумки еще один дёнер в упаковке, тоже не

свежий, судя по запаху. Начал пожирать и его.

Неожиданно бросил взгляд на меня и заметил наверное мою невольную
брезгливую гримасу. И тотчас же бородатая его рожа... осклабилась
высокомерием и злобой... он наклонил голову и прорычал: Хррак, хррак,
хррак...

Затем согнулся, опустил голову ниже брюха... его позвоночник хрустнул... и он
бессильно повалился на пол. Его спутница присела рядом с ним, попыталась его
поднять, щупала пульс.

Двери вагона раскрылись и я вышел.

Ноги несли меня... подальше от бородатого и его спутницы.

...

Через минуту к противоположной платформе подошел поезд на Шёнефельд. Я
вошел в вагон и занял место у окна. Поезд тронулся, а цойтенский поезд так и
остался стоять... видимо, машинист ожидал прибытия скорой.

После станции Альтглинике мой вагон опустел, только какой-то инвалид дремал
в своей коляске на другом конце вагона.

Я закрыл глаза... представил себе, что лечу над Тихим океаном. А внизу –
дельфины прыгают, играют. И перламутровые барашки на аквамарине...

Внутренний голос прошептал мне: Не расслабляйся...

Тут ко мне подскочил клоун в пестрой одежде. Юркий и гадкий. Видимо, из
другого вагона притащился. Показал мне фиолетовый язык с белыми
пупырышками... начал танцевать...

Мерзкий этот паяц, своим кривляньем явно имитировал земные поклоны.

Отплясав, нагло попросил у меня денег.

Денег я ему не дал. А он, когда понял, что ничего не получит, скорчил
плаксивую мину и... залился притворными слезами. Черными, как воронье
крыло. А затем, гадко паясничая, заорал во всю глотку: Хррак! Хррак! Хррак!
И смылся.

...

Перед самым аэропортом ко мне подкатил на своей коляске тот самый инвалид.
Посмотрел на меня, сморщился как старый лимон и пропищал пропитым,
гнилым голосом: Газеты читаешь? Новый господин пришел на Землю. Он тебя

видит, он видит все! Что уставился, кусок дерьма! Ты сдохнешь раньше меня.

Дай десять евро, ублюдок!

А затем, мне показалось – неожиданно для себя самого – выпучил глазищи и заревел: Хррак! Хррак! Хррак!

Быстро поехал к выходу. Даже не оглянулся.

Мне так хотелось догнать его и опрокинуть коляску, но я не стал этого делать.

Хлопот не оберешься. Пусть живет.

Вышел из поезда и побрел, как и все, к аэропорту вдоль изящно изогнутой стеклянной стены. Сырой и холодный ветер залезал через все щели под одежду как гнус. В ушах гремело адское эхо.

...

В терминале А было еще больше народу, чем в поезде на Цойтен. Многие сидели прямо на полу, вытянув ноги. Через эти ноги прыгали дети. Пахло плохо переваренной пищей.

Прислонился к колонне, задремал.

И тут же проснулся. Посмотрел на табло. Самолет из Неаполя приземлился десять минут назад. Значит скоро из-за матовых стеклянных дверей выйдет господин Му, китаец, который должен передать мне подарок, музыкальную шкатулку. В ней должен быть спрятан... Нет, не кокаин. Нечто гораздо более интересное.

Но вместо господина Му из дверей выкатился на посверкивающем хромом одноколесном велосипеде знакомый клоун с фиолетовым языком. Подкатил ко мне, разинул пасть и заревел: Подарочка ждешь, ублюдок? Профукал еще одну жизнь, мутерфикер? Он уже ждет тебя у мясорубки! Зубками будешь скрежетать! Пока они не выпадут. Хррак! Хррак!

Откуда он взялся? Гадать и раздумывать не было сил. Я ударил его ногой, но сразу же почувствовал, что это сон... что никакого клоуна на велосипеде передо мной нет, что я все еще стою в зале ожидания, прислонясь к нечистой квадратной колонне.

...

Двери открылись, и из них вышел какой-то итальянец с огромным чемоданом. Вокруг его жилистой небритой шеи был обмотан длинный шарф с желтыми

квадратами. На костлявом пальце сверкал перстень с розовым топазом, величиной с куриное яйцо. Наверное художник, музыкант, режиссер или какой-нибудь другой шут гороховый...

Все европейские бездельники с претензиями едут и едут зачем-то в Берлин. Надеются тут вволю потусоваться, обкуриться, обколоться и при okazji содрать с до сих пор комплексующих фрицев деньгу. И многим это удается. Мне не жалко, деньги не мои... а немцы... сколько их ни обманывали всевозможные проходимцы со всего мира – а они и дальше принимают... и платят, платят... Такой уж это народ, или на цугундер, или в ресторан. Или эсэсовцы, или лакеи. Когда двери открылись, чтобы пропустить итальянца, я увидел моего китайца... в сопровождении двух полицейских. Его вели куда-то... Обыск? Неужели нашли?

Придется наверное тут весь день проторчать.

Действительность в который раз меня обманула. Му вышел через четверть часа. Вспотевший, взволнованный, но, как он выразился, «без потерь».

Узнал меня сразу (мы виделись два раза при схожих обстоятельствах). Отвел в уголок. Опасливо огляделся. Ловко достал из глубины чемодана шкатулку, отдал мне и прошептал: Будьте осторожны с этим товаром! Горячая штучка. Может и убить...

Вежливо поклонился и исчез.

...

Я положил шкатулку в сумку и потопал к эс-бану. Опять вдоль изогнутой стеклянной стены.

По дороге видел, как моего китайца какие-то азиаты затаскивают в бежевый БМВ. Другие уже открыли его чемодан и выбрасывали его содержимое. Цветастые трусы и рубашки, летящие в разные стороны, превратили на несколько мгновений серый пасмурный берлинский день в импрессионистическую картину. Показалась полиция.

Му отбивался, но отступил перед превосходящими силами противника.

Последнее, что я видел, были его печальные глаза. Мне показалось, что он даже кивнул мне с заднего сидения машины... осторожно, чтобы не заметили его похитители. Я кивнул ему в ответ... Полиция подоспела как всегда вовремя...

бежевое БМВ уже мчалось в облаке выхлопов и мерцающих радужных капелек по направлению к автобану. Номерные знаки его были залеплены грязью.

На тротуаре валялся изнасилованный чемодан и пестрые азиатские шмотки.

...

Прошел подземный переход. Решил обмануть судьбу и поехать в город не на эсбане, а на обычном поезде. На Дессау. Он доходит отсюда до Восточного вокзала минут за двадцать пять.

На перроне замерз. В поезде отогрелся.

Подошла контролерша. Многозначительно на меня посмотрела. Как будто что-то обо мне знала. На билетик и не взглянула, зато приклеилась взглядом к моей сумке... хмыкала как-то неопределенно, заглядывала мне в глаза почти кокетливо.

Улыбнулась. Посверкала фарфоровыми щечками и сказала: Я чувствую, чувствую его. Он прекрасен как только что отшлифованный бриллиант. Он греет мне сердце, как вы, должно быть, счастливы, везунчик! Возьмите, возьмите меня с собой. Я готова ехать с вами и с ним хоть на край света!

И показала пальчиком на мою сумку. Я пожал плечами...

Контролерша отошла от меня и продолжила проверку билетов. Несколько раз послала мне воздушный поцелуй. Пассажиры стали на меня смотреть. Тоже как-то странно. Железно-бетонные, флегматичные обычно немцы вроде как размякли... растаяли...

Некоторые дружелюбно улыбались... другие осуждали.

Один коротышка, одетый в музейную униформу, (есть такой тип среди коротышек – яростные правдоискатели) гневно пялился какое-то время на меня, затем встал, подошел ко мне и прохрипел: Ах ты ублюдок! Скрыться задумал? От него? А шарик в лузу не хочешь получить? Хррак! Хррак!

И вот... это уже не коротышка, а клоун с пупырчатым высунутым языком.

Нет, это Ким Чен Ыр с бородой и дёнером! В инвалидной коляске, со сломанным позвоночником...

Хррак! Хррак!

Он тянет ко мне свои жирные толстые пальцы, хочет вырвать у меня из рук сумку с шкатулкой...

Хррак! Хррак!

Открыл глаза. Никого рядом со мной не было. Хмурая контролерша проверяла билеты у пассажиров. Коротышка спокойно сидел на своем месте, читал Шпигель.

Показалось, почудилось? Но контролерша... коротышка... они ведь не видение, не фантазия...

Стало быть некоторые индивидуумы чувствует это. То, что в шкатулке спрятано. Сквозь шкатулку и сумку чувствуют, как собаки наркоту.

А как же таможня в аэропорту? Ничего не почувствовала? Почему?

Потому что каждый видит и чувствует совершенство по-своему. Одному кажется, что это перстень с изумрудом, другому – кусочек пергамента с кумранским текстом, третьему – осколок чаши Грааля, а четвертому – оно представляется как дуновение ветерка в июльскую жару. Прохладная водичка чистой речушки в Калифорнии. Чудесная раковина на пляже. Улыбка юной красавицы-островитянки. Антоновское яблоко.

...

На Восточном вокзале я пересел на свою линию эс-бана.

Поезд ехал медленно. Я смотрел в окно, на безрадостные ландшафты восточного Берлина. На бездарную архитектуру. На лужи на скверном асфальте. Занес же черт...

Просунул правую руку в сумку и гладил потихоньку шкатулку, которая нагрелась и как бы ожила. Вибрировала и тихонько звенела колокольчиками. Я знал, это не шкатулка ожила, это проснулось то, что лежало в ней, в маленькой серебряной трубочке. То, что согрело сердце контролерши и вызвало припадок ярости у коротышки.

...

Вагон был полон возвращающихся с работы раздраженных усталых людей.

Большинство уставились в свои смартфоны, некоторые читали, слушали музыку, остальные дремали. Мне казалось, что темная одушевленная масса, заполнявшая собой вагон, тяжело дышит как огромная каракатица, выброшенная океаном на берег...

Всю свою жизнь я пытался не стать частью этого измученного бессмысленным

трудом темного народа, этой задыхающейся каракатицы. Сохранить единственное, что имел – маленький лучик... во что бы то ни стало остаться в свете, не дать поглотить и переварить себя рыбьим желудком общества. И преуспел в этом нелегком деле.

Всю жизнь трудился и вырастил, выкристаллизовал из сотни тысяч свободных овальных минут свое сокровище, волшебный кристалл. И наслаждался властью игрой света на его прекрасных гранях...

Протянул его людям. Берите, радуйтесь... я дарю его вам!

А они его не взяли... только мрачно посмотрели на меня, поверчивая у висков длинными синеватыми щупальцами с присосками, похожими на васильки.

Васильки обвилились вокруг моей головы...

Врач нажал на большую красную кнопку. И вся вселенная затряслась.

А кристалл мой рассыпался в прах.

...

И вот... мне тепло. Нагота нежит. Сердце мое трепещет в ожидании долгожданного освобождения. Сквозь полуоткрытые веки в мои зрачки льется таинственный голубовато-серебристый свет.

Я сижу по-турецки на каменном полу, в затопленном ярким солнечным светом цеху бывшей бумажной фабрики, той, что недалеко от замка Грабштайн. В окна – видны синее небо и зелень огромных вязов.

В руках у меня – музыкальная шкатулка.

Передо мной стоит тот самый мужчина из берлинского эс-бана. Согнувшийся человек. Его черные кудри касаются пола. И он кричит от боли.

Позади него дрожит и переливается неземным светом колоссальная машина. Это дезинтегратор времени и материи. Башня, растающая в иное измерение.

Ее хозяева опять заставили меня прожить чужую жизнь, а теперь вернули к источнику, к началу.

Меня зовут Антон Сомна, я умер много лет назад в Саксонии и с тех пор странствую в нижних мирах полусмерти.

Теперь я знаю, что хочет от меня согнувшийся человек. Ведь он – это я. Он просит освободить его от этой роли. Ему не вмоготу. Сейчас, сейчас...

Открываю шкатулку, достаю серебряную трубочку... и бросаю ее... так, как

запускают сделанные из тоненьких деревянных реек и бумаги модели самолетов... осторожно, с любовью, но изо всех сил... в пышущее голубой плазмой жерло машины.

А потом прыгаю туда сам.